

Каждый фильм или спектакль, который создавал мастер, можно было назвать обыкновенным чудом.

ДАВАЙТЕ ВПОЛГОЛОСА, ДАВАЙТЕ ПРОСТИМСЯ СВЕТЛО...

Егор АРЕФЬЕВ

■ На 86-м году жизни ушел выдающийся режиссер и худрук «Ленкома» Марк Захаров.

КАЖДЫЕ ДВА ГОДА ПО ПАМЯТНИКУ

Непревзойденный мастер, ловкий фокусник и теоретик театра Марк Захаров сжег партбилет еще в 1990 году в эфире программы «Взгляд». Мог себе позволить: статус живого классика, тяга к шутловству, врожденная «поперечность», народная любовь - все это сложно было спалить вместе с красной сорочкой. Но людям не понравилось: и слишком пафосно, и слишком топорно для Захарова вышло. Пожалуй, это был единственный за 85 лет жизни случай, когда звериная интуиция подвела Марка Анатольевича. По прошествии лет готов честно признать: это был дурацкий, спонтанный поступок, о котором горько сожалю, - признавал в начале нулевых режиссер. - Акт сожжения красной сорочки книжки но-

сил форму необузданной и абсолютно излишней театральности. С компартией Советского Союза следовало расставаться совершенно по-иному - спокойно и достойно. Обычно Захаров не жег ничего попусту. Себя в первую очередь. Он был идеальным стайером - умел филигранно расходовать силы на длинной дистанции. Не хватался за все подряд. Не бежал за тщеславием или конъюнктурой. За всю жизнь выпустил всего лишь семь картин, шесть из которых стали бессмертной классикой. Каждый знает как минимум две-три цитаты из его фильмов: «Стоянка поезда - две минуты» (1972), «12 стульев» (1976), «Обыкновенное чудо» (1978), «Тот самый Мюнхгаузен» (1979),

«Дом, который построил Свифт» (1982), «Формула любви» (1984) и «Убить дракона» (1988). Раз в два года по памятнику. Как это возможно? Конечно, гениальные сценарии Евгения Шварца и промелькнувшего, как метеор, Григория Горина стали основой, такое не забыть. Но, во-первых, «Обыкновенное чудо» Захаров переписал в одиночку. А, во-вторых, как поставил эти картины Марк Анатольевич, какую обойму актеров ему удалось собрать и что за токи вытащить из каждого.

ПОЙМАЛ ВРЕМЯ ЗА ХВОСТ

При этом в отличие от коллег, декларативно и пафосно поклонившихся Мельпоме, Марк Анатольевич действительно жил в театре. Духовно и материально. Он засветил избранную плеяду актеров «Ленкома» (Евгений Леонов, Александр Абдулов, Инна Чурикова, Олег Янковский) в кинохитах, но не стал рубить на этом капусту. Это теперь модно приглашать «медийные лица» в театры для оживления репертуара и раскрутки (так звезды ментовских сериалов Хабенский/Пореченков/Трухин оказались во МХАТе имени Чехова, вездесущий Саша Петров - в Театре имени Ермоловой и т.д.), Захаров поступал наоборот: выращенных в ленкомовской теплице орлов

ЦИТАТА

- Самое трудное для человека - радоваться каждому дню и не считать, что сейчас это черновик.

Марк Захаров.

охотно отпускал в аренду, при этом каждый понимал - театр превыше всего.

Традиция сохранилась: совсем недавно, перед съемками в сериале «Подкидыш», Антон Шагин («Бесы», «Стиляги») брал разрешение у мастера - днем съемки в Питере, вечером на «Сапсане» в театр, утром снова на съемку. Все были довольны. Да, Захаров отлично ладил с молодыми и не был заскорузлым старпером, что лупит всех портретами Товстоногова и Станиславского по голове и заставляет повторять Михаила Чехова по утрам вместо «Отче наш».

Марк Анатольевич читал традиции, но и тонко чувствовал время, людей, ритм, язык, а потому ставил на сцене «Ленкома» самых модных и актуальных авторов: Дмитрия Быкова (пьеса «Медведь» ушла потом в «Школу современной пьесы»), Владимира Сорокина (по «Дню опричника» и «Теллурии» спектакль идет до сих пор) и других.

Хотя в театре Захаров творил с - вдумайтесь! - 1959 года. 60 лет подряд. Целую жизнь. А то и две. Сначала Театр имени Гоголя, потом Московский театр миниатюр (ныне «Эрмитаж»), Студенческий театр МГУ, Театр Сатиры и, наконец, «Ленком». Именно он стал новатором, пробившим в начале 70-х стену между архаикой Театра имени Ленинского комсомола и новым «Ленкомом» - даже название было дерзким, максимально коротким, стреляющим.

Талантливый авантюрист Марк Анатольевич стал главрежем «Ленкома» в 40 лет и ловко затащил на подмостки все, что шокировало советского человека того времени: рок (спектакль «Тиль» с музыкой «Аракса», Николаем Караченцовым и Инной Чуриковой в 1977 году повезли по Европе!), кресты, церковные песнопения, философию духовности и даже образ Богородицы! Пошел ва-банк и сорвал куш. Публика почувствовала мощь свежего ветра, рвущегося из-под нафталина. Он избрал формулу зрительской любви и, словно алхимик, смешал элементы в нужных пропорциях, получив «Юнону и Авось» (1981) - золото в мире советского театра. Утвержденный на главную роль Караченцов вдохнул в постановку нечеловеческую энергию и обаяние, Алексей Рыбников - волшебную музыку, именно поэтому спектакль возили по всему миру и ставят по сей день. Так Захаров поймал время за хвост и оседлал его.

МАГИСТР ИГРЫ

С ГРУСТЬЮ В ГЛАЗАХ

Почему за все это время мастер не выжил из ума и не превратился в живой памятник самому себе? Есть же примеры. Все просто, он срежиссировал славу, приручил и использовал ее токсичность на пользу: «Слава заставляет любого человека двигаться против течения. И если он этого не делает, то быстро борзееет и становится самодуром».

А еще он проповедовал юмор и балагурство. Марка Анатольевича тянуло к шутам - они всегда были рядом: остроумный и романтик Тиль Уленшпигель, философ и одиночка Мюнхгаузен, шут глубинного интеллекта Джонатан Свифт («Дом, который построил Свифт»), каждый год устраивавший себе похороны, непутевый Менахем Мендел из «Поминальной молитвы» и, конечно, придворный шут Балакирев.

- Самое трудное для русского человека - радоваться каждому дню и не считать, что сейчас это черновик, - говорил режиссер.

Но если внимательно присмотреться к портретам Захарова, удивляет одно: в нижней части лица можно заметить то ехидную ухмылку, то дугу презрения, то ровную линию разочарования, зато в верхней - всегда одно и то же. Застывшие глаза грустного магистра игры (Магистр - его официальное внутрицеховое прозвище), понявшего об этой жизни примерно все. С королями смеха такое бывает - всю дорогу развлекал гостей, а потом вернулся в гримерку, снял костюм и рухнул плашмя. Выдохся.

Собственная театральная обитель, звания, гроздь орденов и правительственных наград, киномобиблиотека и всеобщее признание - этого хватило бы, чтоб осчастливить даже не одного, а сотню человек. Но Захарова всегда выдавали глаза. Он не дождался внуков, как не дождался и спокойной старости.

- Вообще я помню очень мало безоблачности, - вспоминал Захаров. - Даже в детстве. Последний миг абсолютного счастья - последний, думаю, на всю жизнь - был, когда мне исполнилось семь лет. В октябре сорокового года. Я проснулся в день рождения, а кругом подарки. В основном настольные игры, я их очень любил. И я очень остро почувствовал, - а за окном, помню, еще темно, - что я самый счастливый ребенок, в самой счастливой стране, и все меня любят. Такого потом никогда больше не было, потому что дальше - война. А во время войны счастья не было уже ни разу, даже если вдруг случилось наестся.

Генерируя смех и радость, Захаров прожил долгую счастливую жизнь и проводил лучших из лучших: Абдулова, Леонова, Фараду, Козакова, Броневского, Караченцова, Горина. Теперь они наверняка встретятся там, наверху, чтобы обсудить то, что не успели. И поставить самый крутой спектакль - посвящение Магистра.